

A close-up photograph of an ancient stone face sculpture, likely a Buddha or deity, with a serene expression. The stone is dark and weathered, showing signs of age and erosion. Several bright green leaves are placed around the sculpture, adding a natural, organic feel to the composition. The lighting is soft, highlighting the textures of the stone and the vibrant colors of the leaves.

Светлана Сысоева

По дороге в Азии

Путевые заметки

Светлана Сысоева

**По дороге в Азии.
Путевые заметки**

«Издательские решения»

Сысоева С.

По дороге в Азии. Путевые заметки / С. Сысоева —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-856851-0

Размышления о смысле жизни в Непале. Дань уважения городу, которого нет, на Сулавеси. Деревенский быт на Ломбоке. Культурная перезагрузка на Бали. Контрасты Куала-Лумпура. Большое путешествие по Монголии десять лет спустя. Путевые заметки «По дороге в Азии» — это ежедневная лирика и философские наблюдения этнопсихолога, путешествующего с рюкзаком.

ISBN 978-5-44-856851-0

© Сысоева С.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Индонезия. Бали	7
Индонезия. Сулавеси	13
Индонезия. Ломбок	21
Конец ознакомительного фрагмента.	25

По дороге в Азии Путевые заметки

Светлана Сысоева

© Светлана Сысоева, 2017

ISBN 978-5-4485-6851-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Десять лет назад я отправилась в большое этнографическое путешествие по маршруту Австралия – Восточный Тимор – Индонезия – Малайзия – Непал, в каждой стране жила от трех месяцев до года. Темой моей дипломной работы на факультете психологии МГУ была «Адаптация к инокультурному окружению» – можно сказать, что я поехала отрабатывать диплом на практике.

В пути я написала «Путешествия без турагентств. Как посмотреть мир, сэкономить деньги и вернуться невредимым», книга вышла в издательстве Питер в 2011 году. Вела блог *tasmania_gal* в жж. И сотрудничала с журналом «Восточная коллекция» Российской государственной библиотеки – в нем были опубликованы статьи о культурных и религиозных традициях малых народов Юго-Восточной Азии, они вошли в книгу «Острова летающих кораблей».

В книге «По дороге в Азии» – наблюдения за самим собой. Как меняются мысли, чувства, привычки, реакции при трансформации человека обычного в человека-путешественника. «Весь мир – площадка для твоих игр» – звучит прекрасно, но чтобы девиз стал явью, пришлось потрудиться.

Кому-то может показаться, что в каждой главе примерно одно и то же. Может быть так, а может и нет. Я писала о себе и про себя, про свое пространство и про свое время, которое мне понадобилось для переосмысления прошлого, принятия настоящего и изменения себя. Окажется книга полезной кому-то еще – хорошо. Покажется интересной – прекрасно. Выступит развлечением в выходные дни – буду только рада.

С уважением,
автор.

Индонезия. Бали

Нельзя одновременно писать статьи и выискивать антикварные бусы. Либо одно, либо другое. Когда пишешь, больше ничего делать не получается. Настрой сбивается моментально. Так что я возвращаюсь к сочинительству.

Бали, 16 сентября 2009 года

Бали переменчив как погода. То сводит с ума, то отвечает взаимностью. В основном, первое. Особенно, если не в настроении, если дел уйма, если по жаре приходится бегать туда-сюда.

Бали разговаривает с тобой отрывисто, полупапеками. Бежишь, не видишь ничего, вдруг – картинка. Одна, вторая, третья. Можно и не заметить. Можно мимо пробежать, а можно в повседневности балийской что-то для себя увидеть.

Солнце слепит глаза, отражаясь от зеркал суетливых скутеров, дымкой застилая пляж, сковывая движения ленивых торговцев. Поток машин роет себе путь из туристической темницы вверх, в горы. Черно-белая клетка ткани в местах подношений злым духам добавляет разброса в общую суматоху.

Ты бежишь и нажимаешь на кнопку фотоаппарата наугад. Один силуэт, второй, третий. Бали прорывается к тебе через объектив, застывает неподвижным изображением ежедневной балийской жизни, требует к себе внимания и поговорить.

Разговор с Бали – пара слов, пара фраз, парафраз. Увидел – не понравилось – перефразировал – полюбил. Довольно просто, усилий не требует, мозгом шевелить по жаре необходимости нет никакой.

Пробежался по улице, пришел домой, фотографии просмотрел, главное вытащил, резкости добавил и цвета. Получился настоящий Бали. Белесый, но радужный, торопящийся, но сумевший в нужный момент остановиться.

ДВЕ СТРОЧКИ

Когда на Бали приезжаю, почему-то не могу написать ни строчки. По магазинам ходить могу, бусины покупать, бусы из них делать без остановки, с Азизом разговоры разговаривать и даже туристов встречать. Писать не могу совсем. Как не крути. Открываю ноутбук, две строчки из себя выдавливаю, и все.

Азиз на меня сегодня смотрит и аккуратно так замечает: изменилась. Выглядишь, говорит, как настоящий турист, нет-нет, не подумай чего, не как австралийцы эти... Азиз делает круглые глаза, машет руками, пишет на груди жестом Bintang и резко откидывает туловище назад.

Раньше как писатель – смотрит на меня Азиз. Видно было, что как писатель. Видно было, что не важно тебе, как выглядишь. Сейчас как турист. Элегантный турист, одежда, украшения.

На мне штаны и топ из Zara, бутанская полосатая торба через плечо и три браслета собственного изготовления на запястье. Турист, западный иностранец, не новичок в этих краях, но все равно турист. Хозяйка снимаемого мной бунгало сказала, что я похожа на полукровку. Смесь наших и ваших. Вы, россияне, – азиаты, добавила она. Вот к тебе и на бахасе обращаются.

Азиз, отвечаю, не могу на Бали писать. Не знаю, почему. Может в воздухе чего – Бали идеален для бизнеса, если бегаешь быстро и торговаться умеешь, можно не только на nasi goreng зарабатывать.

Я про одежду еще в Малайзии размышляла много. Ведь одежда – это не только цвет и фасон. Одежда – это энергия. Энергия от ткани, от формы, от того, кто ее выкраивал и сшивал. Я на Бали не могу для себя ничего купить. Меряю одно, второе, третье – эффект, как будто в макдональдсе съесть что-нибудь, чужеродное, не твое. Ты такой спокойный и плотный, тело гудит, басом вибрируя. У-у-у-у... Вдруг в тебя молотом ударяют и расшатывают, амплитуда все больше и больше, как будто что-то бьет изнутри, то в одну сторону, то в другую, ты мечешься, бежишь одновременно в двух направлениях.

Может надо голышом? Для чистоты эксперимента? Чтобы понять, где ты, где одежда, где в тебе до сих пор бигмак, а где фуа-гра затесалось по ошибке – потому что кому как, а фуа-гра тоже не мое. Некоторые носят Miu-Miu, для меня это чересчур. Раньше силу проверяли сложностью костюма, сильная если царевна – головной убор килограмма на три несет как невеста фату, одно целое она с такой одеждой. Я же не могу, мне бы чего попроще, чтобы не отвлекало, чтобы тяжестью не давило, чтобы проходящие мимо не замечали.

Одежда красит или силу дает? Если ты корону на себя надеть не можешь, ты слабый или не твое это? Если тебя от черного цвета воротит, в тебе его много или он не нужен тебе? Если ты купил сто тридцать третью оранжевую майку, в тебе энергии этого цвета не хватает или же подобное подобным притягивается?

Похоже с Бали уезжать пора. Неужели снова в Непал? В Непале, кроме как писать, больше делать нечего. Уехать в деревню, в Боду, в ритрит... Чтобы ничего круглого, стеклянного, узорчатого, с дырочкой под леску или тесьму не отвлекало. Но я же буду по Бени скучать. У Бени, как и у меня, любовь к бусинам. У нас на почве этой любви новая зарождается, несмело пока еще, когда он бусину берет и мне протягивает, чтобы еле заметно руки коснуться. С Бени можно долго разговаривать, дольше, чем с Азизом. Азиз потому что коммерсант, а Бени всего лишь бусы делает и хранит их. У него под стеклом на прилавке этнографический музей и антикварная лавка. Я к нему как Марко Поло приезжаю, достаю диковины из холщовых мешочков, подставляю ажурным боком под свет от маленького фонарика, и мы смотрим как узор вспыхивает прозрачным огнем и на миллионы бликов распадается, которые, отталкиваясь друг от друга, взлетают вверх.

МЫСЛИ РАЗНЫЕ, ПРО СВОБОДУ И НЕ ТОЛЬКО

Мысли разные лезут в голову, а собрать их воедино не получается. Я в совместный проект ввязалась, но меня на второй месяц совместимости мысли о свободе посещать начали. Мысли-желания бросить все и удрать в пампасы, где ты один, где можно делать, что хочешь, ни на кого не опираться, ни от кого не зависеть, ни под кого не подстраиваться, ни о ком не заботиться, кроме себя.

Свобода – она не то, что мы под свободой понимаем обычно. Свобода в смысле, что энергия, что в тебе течет, ни с какой другой энергией не смешивается. Многие ищут места силы или великана какого для подпитки. А мне это все не надо. У меня энергия своя куда интереснее, чем любые смеси на ее основе. Как будто я сама – это волшебное зелье. А если объединяюсь с кем-то – в него кока-колу подливают или спрайт или сок какой на порошковой основе. Получается вроде зелье, а бессмысленно. Даже если чужая энергия интересная как кино или музей, со своей собственной все равно лучше, не потому что она высшие баллы получает за креативность, а потому что она твоя. Ты ее как только чувствовать научаешься и от накопившихся за жизнь примесей избавляешь, больше ни с чем мешать не захочешь.

У меня с Бали в этот приезд любовь возникла. Неожиданно. Я на Бали всегда ругалась, а сейчас неделю ходила и не переставала удивляться. Какой же интересный мир здесь придумали. Не думайте про индуизм, посмотрите на изысканность узоров на одежде. Шла вечером по улице Легиан, она украшена соломенными фонарями под праздник, и улыбалась.

Думала на Бали остаться, снять бунгало, сделать визу на год и даже фотостудию открыть, как меня в Непале упрашивали. Но в Непале я жить не хочу, а на Бали, оказалось, очень даже можно. Называла «островом, где нет любви», а любовь неожиданно возникла, или я ее с собой привезла – кому нужны причины, когда следствие тебя заполняет, и тебе хорошо.

Пришлось уехать, как обычно, сорвавшись, покидав вещи в рюкзак. Сажу в Макассаре, доделываю рабочие хвосты. Один материал дописать надо, второй, третий. Комната маленькая, на улице до +40С доходит, с едой так себе. Она есть, но невкусная. Работать, правда, можно. А на Бали нельзя. На Бали можно бусы покупать, гулять по пляжу и фотоаппаратом забавляться. Можно вести душевные беседы с внезапно появившимися друзьями, можно на машине в центр острова уехать и на зеленые рисовые террасы смотреть. Можно просто по улицам ходить и наблюдать, как туристы приезжают на Бали за любовью. Расправляют плечи, покупают платья яркие, модные шляпы и украшения. Садятся на скутер и вспоминают, что когда-то были лихими ковбоями или красавицами знойными, но пришлось все это в долгий ящик убрать, смешаться с толпой и жить по чужим законам.

PS. Если бы люди вместо того, чтобы обсуждать чужую жизнь, строили свою, им не надо было обсуждать чужую, потому что у них своя была бы в разы интереснее.

МАЛЕНЬКАЯ МАМА

Джим на Бали живет. Я у них иногда комнату снимаю. Джим китаец, но с американским гражданством – в пятьдесят каком-то году его семья эмигрировала. Джим в Америке жил, бизнесом занимался, потом на Бали переехал.

Давным-давно, когда Джиму только год исполнился, одной китайской семье он так приглянулся, что они решили мальчика усыновить. У Джима родители свои были, но процессу усыновления это не помешало. Провели церемонию, объявили всенародно, и стал Джим обладателем второй мамы и второго папы.

Скоро сказка сказывается, но не скоро дело делается. Второй папа умер через некоторое время, умер смертью насильственной, тогда в Китае беспокойно было. А служил он главой артели конных перевозчиков. Большой человек – перевозчики транспорт собой заменяли на огромной территории, в горах между провинциями Сычуань и Юньнань. До своей смерти успел второй папа объявить Джима приемником; перевозчики отпечаток пальца ставили на бумаге и клялись на верность.

После смерти мужа вторая мама к коммунистам присоединилась. Истории слагали, как она против японцев сражалась. Большим мастером кунг-фу была. Имя ей дали «смеющееся лицо», потому что улыбалась всегда. Потом она бросила все и уехала на ранчо далеко в горах. На ранчо прожила, не выезжая, пятьдесят три года. Удочерила двух девочек, те выросли, внуков родили. Семья животноводством занималась: яки, лошади, овцы.

Джиму родная мама наказала вторую маму найти. Только никто не знал, где она живет, сколько ей лет и как ее зовут по документам – только традиционное имя, она из малой народности «наси». Знали ориентиры: провинцию и направление. Больше информации не было.

Джим решил вторую маму – маленькую маму, как он ее называет – найти во что бы то ни стало. Собрал рюкзак, купил билет до Бангкока, из Бангкока долетел до города Куньмин, на поезде приехал в городок Лиджа. И начал искать.

Купил две карты туристические, открыл одну. На карте место: Tiger Living Gorge. Джим вспомнил: первая мама говорила, что ко второй маме надо ехать от Tiger Living Gorge вдоль реки Golden Sun до ее устья, оттуда до другой реки и дальше через горы. Дороги нет, только местные тропы через расщелину в горе знают.

Так Джим добрался до Ниу, маленькой деревушки. Начал народ спрашивать, где живет старая женщина, которая много лет назад усыновила маленького мальчика. Может, остался

кто в деревне из стариков, из перевозчиков или из военных. Нашли перевозчика, но «молодого», лет шестидесяти пяти, как раз как Джим. Тот спросил, кого Джим ищет. Джим рассказал историю про усыновление, а перевозчик вдруг произнес: «Так ты тот мальчик!»

Оказалось, что живет старая женщина на ранчо, до нее день пути на лошадях. Ехать никто не хотел, вернее, согласились сначала, потом отказались, потом согласились снова, когда Джим пообещал двух лошадей в оплату за услуги. Поехали. Выехали в жару, через два часа шторм, а у Джима из одежды три футболки и дождевик. Сказал, что мерз страшно, но думал только о том, что маленькую маму свою найдет.

Доехали. Зашли в дом, там старая женщина, седая. Говорит им что-то, а понять Джим не может. Перевозчика нашли, Джим только начал: «Мы ищем...» – «Вы нашли ее», – сказала женщина и заплакала.

Не будем сказку деталями перегружать. Живут в тех краях большие мистики. Священная гора, духи разные – люди с ними разговаривают, договариваются, помощи просят. Джиму потом сказали, что маленькая мама ждала его. Четыре дня молилась, чтобы погода хорошая была. Джим хотел подольше задержаться, но она сказала: «Ты сейчас поезжай». Джим уехал, и непогода свое взяла. «Я знаю, сюда приезжать очень дорого, – сказала Джиму маленькая мама. – Но ты навещай меня хотя бы раз в год».

У Джима план приезжать каждые полгода на два месяца. Потому что балийский период в его жизни закончился, вернее, не такой значимый стал. Теперь Джима прародина ждет, он к ней принадлежит и даже успел завоевать уважение. Местные на лошадях ездить в гору или с горы не умеют. Под уздцы ведут. А Джим умеет. Теперь про него истории рассказывают: «Вы видели, как он ловко на лошади». Джим говорит, что его маленькая мама, наверное, в такие моменты улыбается и говорит: «Это мой сын».

WARUNG BAMBOO

Уныние – человеческая производная. Нас в нем воспитывали, вкладывали его, передавали из поколения в поколение, как будто это ценность, как будто без него нельзя.

На самом деле нет в унынии необходимости, оно человеку несвойственно, с него легко переключиться, а постепенно и совсем забыть.

Каждый раз, когда в Warung Bamboo прихожу, думаю: какая я счастливая. Сажу на втором этаже на веранде, еда хорошая, тепло, планов много и улыбаться хочется.

Выберите момент счастливый, запомните или вспомните его и, как только уныние подкрадывается – бабах! – вызывайте картинку из памяти, цепляйтесь за нее, оглянитесь вокруг, выберите счастливое и как бусины нанизывайте одно к другому, получается такая цепочка счастья и с каждым разом вы легче «нет» говорите унынию, на лице появляется улыбка, а в голове мысль – какой я счастливый и как же хорошо жить на свете.

«DENPASAR»

Я улетала в дождь, я опоздала в аэропорт, мальчик на регистрации – табличка «closed» – улыбался, движения тонких рук плавные, на моем рюкзаке бумажная бирка «Denpasar», я бегу по длинному коридору к самолету...

Lima puluh lima, распорядитель такси признает за свою, я еду по вечерней Куте, тщетно пытаюсь вспомнить, в какой раз я приезжаю на Бали. В седьмой, сто двадцать третий или может тысяча сто одиннадцатый.

В комнате белые стены и пахнет краской. Я передвигаю кровать, затем еще раз, бегаю в тапочках по холодной плитке, вода холодная тоже, холодный воздух из кондиционера,

холодные порывы ветра, волны на море под полтора метра, дождь, ливень, капли бьют с размаха в окно, я закутываюсь в спальник и пытаюсь закрыть глаза.

Вайан из магазина соломенных сумок заходит издалека: туристы, русские, по-английски не говорят. Байк арендовали, поехали ужинать, байк растворился в темноте навсегда. «Вы говорите по-английски, – осторожно продолжает Вайан, – может быть переведете. Там страховка, договор, надо платить триста долларов. Они по-английски не говорят, не понимают».

Вайан хороший знакомый, но я на стороне русских. Юлю и уворачиваюсь, начинаю извиняться заранее, что помочь не смогу, скорее всего. «Перевести нужно, – повторяет Вайан и смотрит в глаза, – ты почти уже наша, ты сколько на Бали – год?»

В магазин приходит турист, молодой человек лет двадцати восьми. Яркие штаны до колена, небрит, озадачен. Вчера карту кредитную здесь оставил. В голосе бойцовские нотки, парень готов к драке, делает шаг вперед. За прилавком две девочки и мальчик, мальчик достает карту, протягивает туристу, тот долго роется в кошельке, сует мальчику три скомканные бумажки. Три тысячи рупий, тридцать центов.

Я год на Бали, я смотрю на бумажки, мне стыдно. Мальчик разжимает пальцы, деньги падают на прилавок. Мне стыдно; я хочу извиниться за того, к чьему племени все еще принадлежу. Потому что я и там, и там, я и за тех, и за других, я хочу, чтобы все были счастливы – и Вайан, и мальчик, и даже турист. Я оплачиваю покупку и думаю, какой должна быть благодарность? Вспоминаю Вайана. Иду по длинному переулку в его магазин, говорю: «Вайан, завтра если поедем, днем поедем. Днем, не утром».

ПРО СВОБОДУ

Мы с моим почти другом Бени разговаривали про свободу, сидя у него магазине бус. Он сказал, что в Индонезии свободы много, а в Америке ее нет. В Индонезии можно делать, что хочешь, и поэтому ты свободен. Можно мусор кидать где попало, а можно Феррари не иметь и не хотеть даже. Даже по бусам свобода в Индонезии есть. Можно купить бусину антикварную, а можно вместо нее бусину современную. Не разберешь, какая антикварная, какая нет, но и та, и другая будет стоить либо десять тысяч рупий, либо сто тысяч. И твоя свобода в том, покупать или нет, и брать за эти деньги ту или другую.

Я насчет свободы с ним согласна. Я про индо-свободу еще в Непале говорила, где ищущие духом проживают, потому что там свобода якобы. Я ищущим говорила: хотите свободы, в Индонезию поезжайте. В Непале свободы нет, потому что в Непале вообще не знают, что такое свобода. А как свобода может быть, если про нее либо не слыхивали, либо сравнивать не с чем.

Не знаю, как насчет свободы вообще, а в Индонезии она есть. Своя собственная, правда. Складывается впечатление, что там все свободны, но в определенных границах. Что как будто есть некий потолок, выше которого не то, что нельзя – про то, что выше что-то находится, в Индонезии не знаю, и посему считают себя свободными. Смотришь на все и сравниваешь: в Монголии поют лучше, в Америке небоскребы выше, в Голландии каналы глубже, в Швейцарии денег больше, а в России...

Про Россию и Америку меня на Ломбоке случайный знакомый Чечет просветил. Он на золотом прииске работает. Сказал: интересное кино получается – где Америке стоит засветиться, тут же все разваливается. Америка, говорит, великий breaker – ломальщик, в смысле. А Россия – самая большая страна в мире. В ней еще Карл Маркс жил, великий реформатор. И Горбачев живет, тоже великий реформатор. Чечет Горбачева уважает, потому что он в истории след оставил и человек, похоже, хороший. Чернобыль в России есть, а раньше USSR было. Но как USSR расшифровывается, он забыл.

Чечет меня поразил своими знаниями. Он с Явы, в университете на педагога учился. По-английски не только говорит бойко, но и пишет без ошибок. Ну и что, что он расшифровку аббревиатуры забыл. В захолустной ломбокской деревне у одной женщины красная футболка с надписью СССР. Она думает, это си-си-си-пи, а мы сказали, что это аббревиатура большой страны, состоящей из пятнадцати республик, которые худо-бедно, дружили друг с другом, пока страна не развалилась.

В моем классе в школе разные ученики были, и русские, и украинцы, и грузины, и евреи, и азербайджанец один. И никто никогда не дразнил друг друга за этническую или национальную – и тем более, религиозную – принадлежность. А таксист в Макассаре на десятой минуте разговора сказал извинительно, что он мусульманин, но не террорист ни в коем случае. Я про это в Индонезии уже не в первый раз слышу и противно все это... Противно, что мусульмане, которые не террористы, или еще какие народы или последователи религии, из-за каких-то духом не свободных, вынуждены оправдываться, что они не слоны и не белые кролики, поскольку мы все люди, а разница эта надумана.

Девушка в ломбокском захолустье сказала, что я, в смысле, миссис, красивая, потому что у меня кожа белая. Су, работник в гостинице, сказал, что он, как мужчина, красивый, конечно, но кожа у него темная. Семь месяцев назад не было такой темы. Тогда страдали, потому что нос короткий, а про кожу молчали как-то. Теперь вот – темная и взгляд печальный. Я ответила, что кожа-то белая, но у нас считают, что красивая – это смуглая и загорелая, поэтому многие на юг едут загорать или в солярии половину зарплаты оставляют. Не поверил Су, а мне интересно, кто это ему и другим деревенским жителям про цвет кожи рассказывал, каких передач они насмотрелись, с какой рекламой и кто вообще эту тему выдумал.

Насчет религии я девочку Лиз спросила. Лиз пятнадцать лет, она лучшая ученица в школе английского, и ходит в мусульманскую школу за пять километров от дома. Я спросила, что такое религия. Лиз засмушалась и ответила, что религия – это ислам. Я вопрос уточнила, но она не смогла ответить. Сказала, они арабский учат и Коран, ну и остальные предметы, как в обычной школе. Мне же не терпелось, я в очередной раз карту мира купила, стала детям показывать. У них как – географию начинают учить с седьмого класса, если пойдешь в него. Многие шесть классов заканчивают и хватит. Поэтому географию не знают, где какие страны находятся на карте, не представляют. Лиз нашла Эстонию и Перу. Россию я показала. Карта, правда, хитрая. По центру Индонезия расположена, а у нас до сих пор есть Ленинград, Свердловск и Куйбышев.

Впрочем, неважно все это. Единственная, кого тема свободы и красоты не волнует, это кошка черная ломбокская. Ее то, что волнует, это пожрать раздобыть – ради пожрать она готова гнусавый мяв свой тянуть минуты по две. А красивая она или свободная, кошке неважно. Если кошка сытая, она гуляет сама по себе или вальяжные позы принимает, сидя на коврике. Потому что, если она сытая, ей больше ничего не нужно, ни мыслей о главном, ни витаминов для красоты шерсти, вообще ничего. Ну, может, чтобы по спинке погладили, да за ушком почесали. На то они, кошки, и придуманы.

Индонезия. Сулавеси

Макаassar – город портовый. Макаassar – город не туристический. Самолет плавно садится на огромное блюдо рисовых полей, окаймленных переливающимися друг на друга горами. Вы с открытым ртом выходите в здание аэропорта и попадаете в хаос.

Прилетите в Макаassar, и вы поймете, в чем заключаются усилия балийской туристической полиции. В Макасарском аэропорту вас возьмут на бордаж вкрадчивые люди в растянутых майках, непрекращающимся шепотом предлагающие такси, экскурсию, автобусные билеты и прочие туристические услуги. Гоните одного взглядом, тенью появляется другой. Везете тележку одной рукой, чтобы второй покурить или почесаться, возникает третий, безмолвно хватается за поручень и тихо идет рядом.

Пираты, мать их, бугисы. Свирепые мореплаватели, вгоняющие в страх соседей, ныне промышляют торговлей и частным извозом. Потомки бугисов ловят вас на выходе из аэропорта, пытаются отнять красно-желтый талончик «такси», тыкают пальцем в эмблему транспортного кооператива и машут рукой, объясняя, что прямо и направо ждет вас личная шхуна с капитаном-водителем, который за восемьдесят десять тысяч индурупий отвезет вас хоть на край света, хоть на остров сокровищ, хоть на аудиенцию к самому Джеку Воробью.

Немой парень свистит в свисток, отгоняя машины от бордюра. Делает зверское лицо и выстреливает жилистыми руками в разные стороны. На мизинце огро-о-омный ноготь, с шумом разрезает воздух на две половины, не успевает склеить, воздух большими кусками плашмя падает на тротуар, дрожит как желе и растекается чавкающими сгустками вам под ноги. Заезаетесь, вот уже кандалы на ногах, вот уже вы на баркасе среди других подневольных, в унисон поднимая и опуская весла в жаркую топь макасарского пролива.

Макасарский аэропорт... Впрочем, довольно лирики. Я хотела про Макаassar написать. Про Макаassar, который голландцы строили. Про форт, про пристани, про тротуары и мостовые. Пошла на набережную, огляделась – Макассара голландского нет давно. Нет города, который кому-то дорог был. Город, который возводили как крепость, завоевывали, обороняли.

Нет его больше, Макассара голландского. Он взгляду является в другом измерении. Прозрачной картинкой в воздухе трепещет, пройдешь сквозь него и не заметишь.

Поверх него памятников возвели и зданий, рынков понастроили, рекламных щитов установили. Мостовые залили асфальтом, по ним ходят совсем другие люди, которым до Макассара голландского дела нет.

Только кажется, что история под землей спрятана. Что доступ к ней через проводников-археологов. Я, когда в квартире ремонт делала, один слой обоев сняла, затем другой, под ним третий оказался, а под ним, на бетонных стенах, наскальные рисунки. Рабочие оставили, которые дом в шестидесятые возводили.

Рисунки теперь под краской, а может и под обоями новыми – из квартиры я давно переехала, она осталась только в памяти.

Так и про Макаassar – если есть рядом с вами что-то или кто-то, что вам дорого, что вы любите, держите при себе, заботьтесь и не отдавайте никому. Не отдавайте это в лапы людские, что «историю делают». Даже если громоздкое, даже если нести тяжело, даже если ворчите «ну, сколько можно, занят я». История – субстанция хрупкая. Было что-то и вот уже дымкой развеялось. Рядом кто-то стоял, не успели оглянуться, как вместо человека лишь фотография.

Раз историю люди делают, вам под силу творить свою собственную. В которой ваш микрокосмос, в которой все ваше, которую вы лично возводили как крепость и обороняли

от захватчиков. Не меняйте ее на историю общественную, народную – мир огромен, раствориться в нем проще простого.

Сольетесь с этим большим, не успеете оглянуться, как от вашей собственной истории одни руины останутся. По которым будут бродить, не замечая, чужие люди, творя поверх вашей историю собственную.

Прошлого не вернешь, утверждают некоторые. Добавляя, что не надо печалиться, что жить настоящим надо и о прошлом не думать. Фраза расхожая, смысл давно потеряла. Не надо печалиться о том, чего больше нет. Но можно, когда оно еще есть, уделить ему чуть больше внимания, чуть больше времени, чуть больше заботы и доброты.

Странно звучит, но стопроцентное настоящее даст стопроцентное настоящее в будущем. Которое будет аккумулировать события для полноценной жизни в ней, вашей личной жизни, а не раздаваемой за небольшую плату кем-то еще.

Тогда ваша история станет историей, а не руинами. Тогда не придется думать «почему я не...». Тогда можно будет жить настоящим, а прошлое перелистывать как красочную книжку с картинками, вспоминая «вот это я..., а вот, помнишь, это мы с тобой...». Именно тогда, о прошлом можно будет не печалиться, потому что оно всегда будет с вами, в вашей памяти, в ваших мыслях, в ваших сердцах.

БУЛУКУМБА

Если вы в Булукумбе и хотите что-то сделать быстро, приготовьтесь делать это медленно.

– Кум, привет, кум! Туристы приехали, туристы, аж двое!

– Туристы, говоришь... А сколько их, туристов-то?

– Да говорю, двое!

– Двое? Правда, двое?

– Да, двое. Представляешь, из России!

– Из России...

– Да, из России!

– Из Германии?

– Нет, из России!

– Из России? А сколько, говоришь, их?

...

– Алло! (далее на бахасе) Арди! Друг! Тут такое дело... Нет, ты представляешь... Да, двое... Твой телефон неправильно записали... Нет, ты представляешь... Да, неправильно. Телефон. Да, конечно, сейчас дам трубку...

Передает телефон журналисту.

– Алло! Алло! (бодрым деловым тоном). Я Иван Иванович Иванов из «Moscow News and World Report». Мне ваш телефон...

– Алло! Кто? Чего? Ив.. чего?

Журналист расстроен.

– Алло! (я беру трубу) Здравьте уважаемый Арди, это вот я, помните мы с вами во дворе отеля разговаривали, ну да, я, я. Помните, я еще говорила, что Иван Иванович в Булукумбу приехал, хочет с вами встречаться. Из России, да, да, журналист, да, встречаться, так он вот рядом стоит, ждет. Что? Сейчас приедете? Сюда приедете? Вы приедете или нам приехать?

Передаю трубу другу.

– Алло! Арди, друг! Что? Нет, ты сюда или мы туда? Ты? Сюда? Или мы туда? Все-таки ты сюда? Давай, ждем!

Расстроенному журналисту: сейчас приедет, ждите!

Если вы в Булукумбе и хотите дела делать быстро, наберитесь терпения и расслабьтесь. Быстрее быстрого все равно не получится. Быстрый в Булукумбе Интернет в кафе рядом с отелем и водители красных бемо-машин, что население перевозят из Булукумбы в Тана Беру и дальше в Биру. Дальше самой Биры уже нет ничего. Там пляжи и отели для туристов. Там дела не делаются. Хотите дела делать быстро, наберитесь терпения, сядьте в тенечке и ждите. Потому что ускорить или поторопить вы ничего не сможете, как и начать ничего не сможете, если будете давить, обижаться и требовать. И только когда сядете вы на стул на веранде, смахнете слезу от отчаяния и приготовитесь уже из Булукумбы уехать, как вдруг все изменится, как будто кто-то добро даст, как будто это как экзамен был – примет ли вас Булукумба или подальше пошлет. Выживете вы здесь или место вам в офисе под кондиционером, чтобы работа непыльная и дураки чтобы не окружали. Потому что в Индонезии, как и в России, дороги есть и дураков много. Но и с теми, и с другими можно жить бок о бок, дела можно делать и результат получать.

– Здравствуйте, уважаемый! Представляете, мы телефон неправильно записали, искали вас, искали, весь день звонили.

В телефоне потерялась одна цифра, а владелец отеля, являющийся по совместительству папой Арди, корреспондента районной газеты «Рупор Булукумбы» и представителя районной администрации, накануне сказал, что телефона не знает. Может, на всякий случай, а может и правда не знал.

– Здравствуйте, здравствуйте! Извините, что телефон мой не работал! Да! Да! Я хочу помочь! Я рад помочь. И это бесплатно, это не за деньги. Free, а не то, что вы подумали.

– Ах да, разрешите представить, это Иван Иванович Иванов, из Moscow News and World Report!

– Ах, Иван Иванович! Конечно! Журналист! Прямо как я! Журналист! А где вы работаете?

Журналист обиженно сопит. Далее разговор идет с полчаса, присоединяются родители Арди, родственники ближайшие, соседи подходят и уходят, но дело делается.

– Да, я помогу, да могу завтра, во сколько нужно? В 10? Да, могу в 10. Но я еще и вечером приду, принесу вам брошюры и мои фотографии.

– Может, не надо вечером. Может, вам вечером не удобно...

Сделана попытка разговор закончить, а вечером отдохнуть.

– Вечером нормально. Я рад помочь. Я принесу брошюры. Free! Можете использовать, если нужно.

И так два дня подряд. Утро началось в девять, а не в десять. По дороге колесо прокололи, мне пришлось в тенечке стоять. Колесо делали долго, потому что там другие колеса были – а также нужно было рассказать, что к чему, сделать пару снимков со встречи другой районной администрации, помахать многочисленным друзьям и родственникам и не потерять шлем. За шлем я отвечала, чтобы не свалился он ненароком и не расшиб себе чего. Потому что Арди мотоцикл водит так же, как разговаривает. И мне нужно было одной рукой шлем придерживать, а другой за ручку сидения хвататься.

Пока до Иван Ивановича доехали, уже одиннадцать было. Иванович не спал, с шести утра работал, перегрелся, молнии метал – только и успели, что его представить работягам (схему представления см. выше), да довести до единственной в Тана Беру сдаваемой комнаты. Ее Иванович сам нашел накануне.

Хозяйка, естественно, оказалась Арди дальней родственницей. Можно было еще долго разговоры разговаривать, но Ивановича мы спать уложили, а я с Арди обратно в Булукумбу поехала. Работу работать и к местности привыкать. Мама Арди сказала Иванычу, что за мной присмотрит. Мне сказала, что если я есть хочу или пить, то могу на кухню прийти в любой момент.

Не знаю, как насчет любого момента, завтракают здесь рано, обедают в полдень – обязательно, а ужинают как придется. Если будете в Булукумбе и рис вам надоест, есть одно простое решение. Идете в желтую харчевню, на которой SOP написано. Берете себе пол-литра супа, только бульона за пять тысяч рупий, либо бульона с мясом за пятнадцать. И едите себе в удовольствие. В бульон можно две пачки растворимой лапши закинуть и получить тем самым вкусное и питательное варево. Без которого вы дела делать в Булукумбе вряд ли сможете. Потому что для любых дел силы нужны, а если дела медленно делаются, силы утроить нужно. Так что желаю вам еды хорошей и скорости.

ГОРОД В ПРЕРИЯХ

Мне вчера вопрос задали: почему в Гималаях (пустыне Гоби или бескрайних прериях) хорошо, а в Москве так не получается. Я вопрос этот в разработку запустила; сегодня ответ нарисовался, который меня поначалу ошарашил, а потом я стала примеры вспоминать – тех, кому и в Москве хорошо, кому почему-то не мешают толпы людей на улицах, буйство «негативных» энергий и отсутствие источников вдохновения. Примеры ответ подтвердили.

В городе, если единственный твой багаж – отсутствие знаний, помноженное на гонор и самомнение, очень быстро чувствуешь свою никчемность. Масла в огонь подливает постоянно присутствующая возможность сравнивать себя с другими, жаловаться на непризнанность и парочка подзуживающих, езжай-ка ты в Гималаи (Гоби или прерии), там – о-о-о-о! – там так тебя прокачает, что мало не покажется.

В Гималаях (Гоби, прерии, тайге, степи, глухой деревне) довольно просто «стать частью чего-то большого». Ты живешь на вписке у мощного, не человеком созданного источника. Про себя забываешь, тебя откровения начинают посещать, тебе от этого процесса хорошо становится, ты занят самопознанием (до миропознания еще далеко) и кажется тебе, что этот путь один и единственный.

Некоторые умудряются так прожить почти всю свою жизнь – пока необходимость вернуться домой не отрезвляет, обеспечивая сначала шок, потом активное неприятие и в перспективе непрекращающуюся ломку на манер наркотической.

Почему? Ответ простой. Несмотря на источник, ты как был никем, так никем и остался. В городе источника нет, а если он тебе нужен, дело нужно. Потому что если есть дело (мечта, цель), то и энергия начинает ключом бить – что мне в свое время один человек объяснил, а позже я на себе в правоте этих слов убедилась. Закавыка лишь в том, что дело может так и не появиться; особенно если у тебя период, когда дело не с небес озарением спускается, а его нужно самому для себя придумать, продумать, начать и не прекращать ни на минуту.

Вот этого многим совершенно не хочется. Некоторым идея не по плечу, а другим через этап «я не справлюсь, потому что здесь это в принципе невозможно» перейти не удастся. Третьи начинают цепляться за псевдознания разного толка, объясняя нежелание взять судьбу в собственные руки религиозными догмами или психологическими защитными механизмами. Четвертые вообще от ситуации отрекаются – потому что очень сложно самим запустить собственный мотор, самим преодолеть неверие, преодолеть сомнение и лень, смазывать заржавевшие части самого себя или отсекают их – через не могу, через не хочу, через ломку стереотипов, через боль почти физическую.

Очень сложно выжидать пустые дни и недели, когда кажется, что ничего не происходит и тупик. Очень сложно работать на износ в те моменты, когда обстоятельства не помогают. Очень сложно отдаться делу полностью, очень сложно сделать выбор в его пользу, очень сложно... отправить подальше очередного советующего бросить все и уехать в Гималаи.

Самое сложное – понять: если смалодушничаешь, пойдешь у себя же на поводу, тебя как в детской игре отправят стартовать заново. Если отправят. Особенно, если тебе давали шанс, и даже не один и не два, и не три – да, бывают и такие истории.

Как сказала мудрая жж-френдесса: если человек упустил один шанс, упустил второй, он упустит и третий, потому что этот шанс ему совершенно не нужен.

У вас было что-то похожее?

Чем отличается жизнь в ЮВА от жизни в большом городе – вы научаетесь жить глубоко в себе. Когда вам звонит подруга и говорит «я не смогу сегодня встречаться, сегодня же вторник», вы вдруг осознаете, что в вашем мире нет слова «вторник» и вы далеко вне того, что называют коллективными сознательными представлениями.

Побочный эффект такой реальности – если у вас внутри пусто, вы понимаете это со всей отчетливостью и вам не удастся наполнить себя внешними стимулами, курсами и мастер-классами, телевизионными программами и выездами в летние танцевальные лагеря. Приходится озадачиваться тем, чтобы заполнять это огромное мировое пространство собой же и от вас зависит, будет ли вам весело или скучно, интересно или печально, будет ли там вообще хоть что-то или придется начинать обратный отсчет и возвращаться к проверенным дорожкам социальной жизни.

Не знаю, у всех ли так, но, если получается не сорваться, на свет выходят скрытые таланты и способности, казалось бы, похороненные еще в детстве результатами воспитания и продуктами насильственной социализации. Тогда возврат к внешнему окончательно утрачивает смысл, потому что собственный мир оказывается гораздо интереснее.

Шутила вчера: я, наверное, помру в одиночестве, зато жизнь проживу так, как хочется.

Только не придирайтесь к этой фразе, у нее не такой смысл, как принято приписывать.

ПРО ШКОЛУ

Я по-прежнему сижу в Булукумбе. Меня по-прежнему доводят своими «хелло, мистер» дети. Но мысли мои не с ними. Мысли оттолкнулись от беглого просмотра книжки в сторону школьного и прочего образования. И натолкнулись на следующее наблюдение.

Очень много говорят о «пассивности» времяпровождения, но совсем не упоминают о вынужденной пассивности усвоения знаний. А именно, об отсутствии собственного опыта по множеству предметов и направлений, и не только школьных.

Учитель математики доказывает за нас теорему.

Учитель химии проводит показательный опыт.

Учитель истории согласно учебнику заставляет поверить, что в таком-то году произошло такое-то событие и имело оно такое-то историческое значение.

Учитель психологии утверждает, что люди в определенных ситуациях испытывают определенные эмоции.

Учитель географии не имеет ни малейшего представления о странах, о которых рассказывает. Он не выезжал дальше ближнего Подмосковья.

Я физику учила не в школе, а год на курсах при поступлении в институт. Выучила как не странно, но самым приятным и запоминающимся был опыт выведения формулы, имеющейся во всех учебниках, но которую я забыла. Я потратила на формулу минут двадцать, исписала два листа бумаги и, как Архимед, воскликнула: «Эврика!».

Гордость за то, что «могу», не покидает меня до сих пор.

Идем дальше. Можно пересчитать на пальцах, что из моей школьной жизни запомнилось не только информационно, но и эмоционально – потому что запомнившееся было результатом самостоятельного, активного обучения, а не принятием на веру или зубрежкой того, что выдумали или написали другие.

Литература. Сочинение, написанное не как «реферат мудрых мыслей автора предисловия и цитат из произведения», а потоком собственных мыслей. Тема – Маяковский, объем – двенадцать листов школьной тонкой тетрадки. Комментарий учителя – «можно было более интересные стихотворения выбрать». Моя мысль – «я выбрала то, что интересно для меня».

Литература. Пересказывала «Солярис» на одном из уроков. Своими словами, а не по обычной схеме «краткое описание событий, характеристика главного героя». Слушал, затаив дыхание, даже хулиган Васечкин. Двадцать минут полнейшей тишины в классе. Комментария со стороны учителя не последовало.

Алгебра с геометрией – давались настолько легко, что я работала самостоятельно, опережая класс на каждом уроке на пять-шесть заданий. Реакция учителя – ставила пятерки (и гордилась), но согласно совкому подходу в обучении периодически выбивала из процесса, заставляя объяснить что-то классу или отстающему ученику. Моя мысль – «оставьте меня в покое, не мешайте».

Английский язык – учила два года на платных курсах, три раза в неделю по три часа. До сих пор благодарна родителям, что оплатили. Иногда замещала учителя в четвертом и пятом классах. Среди воспоминаний – опыт учительский. В классе бардак, но все – все! упражняются в диалогах. Спрашивают, сколько времени. Просят подвезти на машине. Некоторые усвоили, что английский – это такой же язык, что и русский, на нем можно разговаривать.

Химия и физика – ноль, преподавание по этим предметам – ноль. Физику выучила в 10 классе, знания по химии до сих пор меньше базовых.

География – ноль, требования учителя сводились к заучиванию наизусть текста очередного урока. С географией знакомилась позже, когда начала ездить по разным местам и странам. Поняла, какой увлекательный предмет можно сделать, изменив методологию преподавания. Помните учителя из «Завтра была война»?

Биология – ноль, на уроках мы пили кока-колу под партой и запикивали другу другу в портфели муляжи анатомических органов. Знакомилась позже, когда возникла необходимость в знаниях по анатомии и медицине.

Русский язык. Учила, читая книги. Запомнить правила было несложно, но проверяла себя всегда по памяти – «такое-то слово видела в книге и его нужно писать так-то».

Литература. То, что я успела начитать за детский и взрослый возраст, заслуга не школы. Спасибо родителям за домашнюю библиотеку и пинок в сторону детской библиотеки, была записана в три, читала запоем.

Физкультуру, наверное, можно в расчет не брать, меня считали «неспортивной» и отдали заниматься музыкой – несколько лет потраченного зря времени. Понимание «могу» пришло гораздо позже. Несмотря на усвоенную «неспортивность», на пятом или шестом занятии йогой, у меня неожиданно легко получилось встать на мостик, поскольку тело само нащупало правильное направление отправного толчка.

Обществоведение – до сих пор не знаю, что хотели сказать авторы идеи предмета. С мыслями философов, с историей религии и основами культурной антропологии знакомилась, получая второе высшее образование. С этнической психологией – особенностями психики и поведения различных этнических групп – продолжаю знакомиться сейчас.

История – полное ноль, историей начала интересоваться значительно позже, самостоятельно и не по учебникам. В четвертом классе хотела стать археологом, потому что из всего курса самой интересной оказалась история древняя. Если интерес к археологии заметили и поддержали тогда, может быть, я сейчас на по ЮВА ездила, а на раскопках время проводила.

При методологическом подходе к обучению как к пассивному процессу усвоения знаний, передаваемых учителем в том объеме и с той мотивацией к изучению предмета, что

у него самого присутствует, может быть не сразу понятно или совсем непонятно к чему у ребенка способности.

При методологическом подходе к обучению как к пассивному процессу усвоения знаний мы не только учимся у «учеников учеников», но и меньше создаем возможностей для появления и развития новых учителей и первопроходцев. Потому что даже в привычном предмете могут быть необычные, не замеченные ранее стороны, которые, чтобы их заметили, требуют инноваторства и творчества, а не умения решать типовые задачки, выдаваемые в качестве домашнего задания.

Мы с местным учителем разговорились, он вопросы задавал про Россию и про преподавание. Одна умная мысль в разговоре промелькнула. Хочешь чему-то научиться, сделай это сам. Хочешь научить кого-то, объясни, как, и пусть он сделает это сам. Потому что слишком много теоретиков выпускают школы и ВУЗы; такие выпускники со своим «багажом знаний» и красным дипломом максимально на что способны, это менеджерами по продажам работать. Чему, впрочем, тоже в теории не научишься, надо в торговом зале постоять и лично с каждым покупателем познакомиться.

Я не знаю, изменилась ли система образования в последние пять лет, изменилось ли количество предметов и качество методологии преподавания, но если вы хотите, чтобы ваш отрок выучил английский, предложите ему смотреть фильмы на языке, если он интересуется географией, запланируйте путешествие в дальние страны, если он по ночам мысли пишет в тетрадку, не отнимайте ее и свет не гасите – может у вас писатель или мыслитель будущий растет.

Да и взрослых это касается. Когда вы в последний раз учились чему-нибудь? Только не по принципу «пойду на курсы». Попробуйте разобраться в теме самостоятельно. Сначала, может, и не получится, вы попытаетесь, но не сдадитесь. Шаг за шагом – начнет получаться, сначала медленно пойдет, а потом все быстрее и быстрее. Одну тему освоите и приступите к следующей, не менее сложной, а потому увлекательной и вознаграждающей не школьной оценкой и не пустой похвалой, а греющим сердце словом «могу».

PS. Уважаемые! Выучите, наконец, английский!

Перестаньте ныть, что не получится, что учителя нет, что нет учебника, что вы к языкам не способные, что мотивация отсутствует или еще какая напасть.

Вам не надоело чувствовать себя беспомощными? Мне, например, надоело слышать от каждого второго балийского таксиста с шестью классами образования индонезийской школы: Oh! You are from Russia? Usually people from Russia can't speak English.

Возьмите один учебник (не разговорник), лучше нашего автора – если вам к тридцати пяти и вы возвращены на советской методологической системе образования. Возьмите тетрадку и ручку – для письменных заданий. Время если есть – идите на курсы, но не на «экспресс-три-месяца-и-я-орел», а хотя бы на годовые. Если времени свободного нет – просто сядьте и выучите!

Сами, самостоятельно, отбросив понты и нытье и уделяя этому нехитрому занятию минимум один час в день.

Ниже отрывок из книги «Путешествия без турагентств. Как посмотреть мир, сэкономить деньги и вернуться невредимым» на эту тему.

«Теперь о самостоятельности в этом вопросе. Система преподавания английского языка в наших школах и вузах до сих пор очень плохая. Не будем разяснять причин. Выучить английский язык просто. Не хотите на курсы идти – купите самоучитель, сядьте и освоите базовый минимум.

Зазубрите нужные фразы. Зазубрите ответы на них. Найдите знающего английский среди друзей и попросите объяснить вам азы грамматики. Освойте одно настоящее, одно прошедшее и одно будущее время.

Купите учебник на трэвел-тематику. Разбирайте текст за текстом, учите сначала слова, потом текст наизусть. Тренируйтесь на кошках: если родственникам вы надоели своим «ай лайк трэвеллинг» – пересказывайте текст домашнему любимцу, он терпит.

Приклейте стикеры с английскими словами и фразами на холодильник, двери, стены – всюду, куда может упасть ваш взгляд (можно даже писать английские слова русскими буквами – лишь бы это помогло вам запомнить). Пробудившись утром, повторяйте как мантру: «Гуд мнинг, ай вонт ту хэв брэкфаст, плиз». Вечером, отбывая ко сну, говорите: «Гуд найт, ай вил хэв э найс дэй туморроу».

Не стесняйтесь произносить слова коряво; 90% знающих английский на бытовом уровне говорят еще хуже.

Выберите несколько фраз на каждый день (неделю, месяц) и тренируйтесь, тренируйтесь, тренируйтесь. Не успеете опомниться, как заговорите».

Индонезия. Ломбок

Первое лето было длинное, а второе не очень. Первое было жаркое, а второе еще жарче. Первым летом было дешево и веселья много. А вторым летом жена Андреаса вернулась, стало дорого и жизнь по распорядку. Но обо всем последовательно.

Андреас в захолустье давно поселился. У него пальмовая плантация, жена местная и отель для туристов. До отеля Андреасу дела нет, пять бунгало построил и деньги за проживание собирает. Жена Андреаса всем управляет, когда на Ломбок из Германии возвращается. Получается «перемена мест слагаемых» по всем правилам, Андреас сюда, жена туда, дети ни туда, ни сюда, а все остальные только и норовят, что за счет Андреаса либо нажиться, либо подзаработать.

Жена у Андреаса не то, чтобы строгая, она хозяйка в доме и если попустительствовать, на шею сядут нахлебники. Она и на меня сурово смотрела, я кухней, как раньше пользовалась, а ей уважение и почет не высказала. Пришлось за стол переговоров садиться, в глаза смотреть и обещать по утрам здороваться. Все довольны остались, но, если на кухню пойдешь, жена бдит, вдруг соль кто возьмет или воды отольет из кулера.

Жена Андреаса в немецком отеле седьмой год работает, контролер качества. То есть ходит по гостиничным номерам с проверкой – качественно горничные убрались или нет. В отеле жену Андреаса ценят по заслугам, она строгая и фишки уборочные знает – например, что сначала надо с вентилятора на потолке пыль смахнуть, а потом уже чистые простыни на кровать стелить. Жене Андреаса в Германии нравится. Работа не пыльная, авторитетом можно давить, тусовки посещать сасакские – как выяснилось, в Берлине есть не просто индонезийское сообщество, но даже ломбокское, чуть было не с отделением округа Секотонг, откуда Нур (жена Андреаса) родом. В Берлине им весело. Поработал, вечером посиделки с другими женщинами – поболтать, еду приготовить, может даже погулять сходить.

В последний уезд долго жены Андреаса не было. Андреас звонил-звонил, она то к новому году обещала вернуться, то к дню рождения сына. Вернулась в марте, сейчас ноябрь, она до сих пор здесь. Что означает, что теперь новый босс курортом правит. И правила для отдыхающих изменились. Раньше было «денег меньше – веселья больше». Теперь «денег больше – жизнь по уставу». И главный пункт устава «я, фрау Нур, теперь главная, поэтому каждое утро должно начинаться с оказания мне почета и уважения».

Нур – пусть и из полицейской семьи – простая индонезийская женщина. Выпало ей счастье за иностранца замуж выйти, причем не в последние десять лет, а семнадцать лет назад, когда и иностранцев на пальцах сосчитать можно было, и в захолустье они не заглядывали. Не будем описывать этих иностранцев, скажем, что индонезийские женщины за них цепко держатся и счастье свое упускать не хотят – подозревая почти любое лицо женского полу в попытке увести это счастье под покровом ночи. Нур не первая такой жизнью живет и не последняя. Таких девушек-женщин очень много на Бали, на Ломбоке они в туристическом районе Сенгиги обитают, да и на других островах они есть. Восемьдесят процентов их одинаковые. Одеваются как жены американских юристов (слаксы, мокасины, рубашка-поло), это если они уже замужем, или поярче (шорты, топ, золота побольше), если отношения в процессе развития. У всех подозрительный взгляд с прищуром и желание бороться за финансовое будущее не на жизнь, а на смерть. Впрочем, там, где иностранцев много и выбор есть, девушки помягче.

После замужества не у всех, но у многих характер портится. Были они никто, стали обладательницей белого мужа, толстого кошелька, большого дома с окнами и даже машины-иномарки. Стали-то стали, но понимают, что сокровища эти им не принадлежат и в один прекрасный момент могут легко упорхнуть к другой счастливике. Или понимают, что даже

с этими сокровищами они остаются никем – образования нет, кругозора нет, возможностей сделать что-то без помощи мужа нет, ничего нет. Захочет муж, помашет ручкой и уедет в свою Австрию или Австралию, оставив ее в том возрасте, когда кожа уже не та, и бедра, и грудь... Индонезийцы внешне стареют быстро. Жила-была девушка, не видишь ее два месяца, встречаешь – а она уже как старик и море.

Может по этой причине Нур в Германию часто ездит. Может ей и правда на курорте скучно и стресса много. Может она по каким другим причинам неприветлива, не здороваются и косо смотрит. Только такого поведения вы нигде не встретите и нигде не увидите в гостиничном бизнесе. Открыл такой бизнес – будь добр двадцать четыре часа в сутки улыбаться, завтрак в стоимость номера включать, а за длительное проживание давать скидку. Потому что турист любит, когда ему рады, когда он после побудки может на кофе с омлетом рассчитывать, а стоимость номера, если месяц жить, будет для него гораздо меньше, чем если только сутки.

Турист также любит, когда в номере не только чисто, но и спокойно. Потому что он платит не за комнату как таковую, а за возможность отдохнуть и жить в безопасном окружении, где ему комфортно по его туристическим меркам, а не по местным. Где его не будут будить в шесть часов утром, а вечером не будет считать за дурака «есть захочешь, заплатишь». Потому что ошибочно в целом туриста за дурака держать, даже если он из какой австралийской глубинки. Там тоже туристы есть и есть отели, владельцы которых понимают, что не будь туристов, не будет у них дохода, и придется им в качестве заработка не пыль под кроватью мести, а овец разводить, чтобы свести концы с концами и на завтрак-обед-ужин не «Веджемитом» питаться, а по выходным в райцентре платье себе новое покупать.

У меня в захолустье есть практически подруга Дини. Дини – учительница, она с Явы приехала, преподает что-то по туризму и английский язык. Приехала вместе с мужем и маленькой дочкой, их родственники пригласили, сначала дали помещение под магазин, потом забрали, это история долгая, ее в следующий раз расскажу.

В Пелангане школу туризма строят с большим размахом, как все начинания индонезийские. Землю купили, план составили – здесь отель, там ресторан, вдали учебные классы. Год уже строят, два помещения без отделки готовы, на остальной земле коровы пасутся.

Школа работает, тем не менее, в здании школы обычной, во вторую смену. Студенты платят пять тысяч рупий в месяц; за эти деньги их готовят к работе в гостиничном хозяйстве, которого в захолустье пока нет толком. Ходят слухи, что землю на юге острова арабы скупили под гостиницы, аэропорт международный неподалеку планируется – вот-вот польется туристический поток, который надо размещать, кормить-поить и всячески ублажать, что в данный момент сводится к «хелло-мистерам» и «надушить на рынке на пару тысяч рупий».

Меня в школу пригласили щеки надуть и выпендриваться. Не тут-то было. Не учли граждане семилетний опыт преподавания и страсть мою к занятию оному. Поэтому трем классам от меня досталось по самый не балуйся.

Первый класс был мальчуковый. Что за предмет был, я не поняла, учительница отсутствовала, а Дини затруднилась объяснить. Поэтому парни сначала самостоятельно, а потом в группах по четыре писали, что такое «хорошая гостиница». Определения мы зачитали и проголосовали за лучшее. Победила группа номер два, остальные обиделись, а я сказала, что вот эта группа работу получила, а остальные могут домой идти не солоно хлебавши.

Дальше мы долго и нудно разбирали тему, что туристы любят, а что не любят. Что номер надо чистить до заселения, а не после. Что грязь надо из-под кроватей выметать, белье постельное менять и не надоедать с вопросами: как дела и откуда. Составили два списка, один студент сообразил их себе в тетрадку переписать. Про него я сказала, что его на работу беру, а остальных мы домой отправили.

Во втором классе были девчушки бойкие. Им до меня про ресторанное обслуживание рассказывали, да сам директор школы, приветливый и улыбчивый, на уроке присутствовал. Девушки меня порадовали тем, что вопросы по-английски задавали, а я их порадовала рассказом, что не растут в России манго да бананы, зато растут ягоды разные. Малявка на первой парте оживилась, погладила живот и сказала «вот я бы ягоды все и съела». Это показалось смешным, мы посмеялись, а мне пришлось про погоду объяснять. Что такое +10С понятно было. А что такое -20С это уже было свыше понимания.

Третий класс был смешанный и как раз Динин. Они в субботу контрольную писали, поэтому сегодня был день отдыха. Отдохнуть не получилось, потому что лекция называлась «культурные различия» и состояла она из сократовских вопросов «идет турист по улице, с ним один поздоровался, второй, третий, а на тридцать пятом турист рассвирепел и обещал поубивать всех махом – почему».

Ответов много было разных. Например, на вопрос: вы встали в пять утра, в шесть приехали на работу в отель и начали уборку, из номера выскочил турист, ужасно злой, почему – вариантов ответа было несколько. Потому что убрали номер плохо вчера. Потому что не постучали. Потому что ему не нравится, как убирают номер сегодня. Долго пришлось ходить вокруг да около правильного ответа – не встаем мы так рано, разбудили вы несчастного, хотите номер убирать, приходите после десяти, а лучше после одиннадцати.

На вопрос следующий: вы спросили туриста «как дела» утром, спросили днем, спросили вечером. Вечером он разозлился и послал вас по нехорошему, почему? Что-то у него случилось, был ответ, расстроился. А сколько раз нужно спрашивать «как дела»? Пока не получим ответ «все прекрасно». После бурной дискуссии удалось договориться, что одного раза достаточно. А если турист и не ответит, не надо думать, что он не услышал и спрашивать заново.

Интересная лекция получилась. О том, что у нас принято, а что у них. Что говорить, а где промолчать. К кому как обращаться, а к кому и близко подходить не надо. Про личное пространство и вежливое общение. Про жителей больших городов и маленьких деревушек. Про то, что турист не такой дурак, каким на их взгляд выглядит.

Мне тоже вопросы задавали, где живу, кем работаю, что люблю и какое у меня хобби. Про хобби я попросила больше вопросов не задавать, потому что не знаю, как у вас, а меня этот вопрос в ступор вгоняет. У меня вся жизнь как одно большое хобби. А студенты про культурные различия поняли. Не все, но некоторые. И девушка одна в конце заметила «все же какие мы разные».

ПРО ВЫБОРЫ, КРАДЕННЫЕ НОУТБУКИ И КАРТИНЫ С МЕСТНЫМ КОЛОРИТОМ

Жил-был мальчик. И жил-был маленький крокодил. Вернее, так: жж-френдесса попросила про хлеб написать. Про хлеб не получилось, получилось про выборы. Не про политические. Про выборы, которые мы делаем или которые нас делают, если мы выбираем не то, что надо.

Крокодил тогда сделал свой выбор, а наш мальчик сделал свой. И еще много людей выбирали себе дороги и дорожки, пути прямые и широкие или переулки, чтобы, отстреливаясь, уходить огородами.

Устроился мальчик на работу к Андреасу в отель. Девятый ребенок в семье местной матери-одиночки. В захолустье много детей, и семей нищих много, но наш мальчик не был обыкновенным. Наш мальчик оказался талантливым. Хотя в школе всего три года отучился, вырасти успел, и про таланты свои слыхом не слыхивал.

Главный талант мальчика – рисование. Попробовал – получилось. Еще раз попробовал – получилось гораздо лучше. Рисовал ручкой в тетрадке, пока талант не заметила добрая женщина; купила краски, альбом, учебники и посоветовала создавать маленькие картины с местным колоритом и продавать их туристам за пару долларов. Даже купила одну, для почина. И – случайно получилось – рассказывая, как что в рисовании устроено, затронула тему выбора. Сказала, что в этом выборе дурацком все дело. Мальчик может выбрать то, что ему внутренний голос подсказывает. А может то, что друзья-приятели нашептывают.

Мальчик про выборы послушал и рисовать пошел. Людей, пейзажи, животных диковинных. Только вместе с рисованием, как позже выяснилось, он еще один талант развивал. Который как раз ему друзья нашептали. Стал мальчик пивом Андреасовым налево торговать. Другьям-приятелям, которые вечером на скутерах с выключенными фарами приезжали.

«Ага, – скажет нетерпеливый читатель, – доигрался мальчик». Доигрался. Но про игры позже. Сейчас речь пойдет про выбор того, чьим пивом мальчик друзей снабжал почти каждый вечер. Про выбор Андреаса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.